
В. Б. ПЕРХАВКО

КУПЕЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Предваряя чтение студентам Московского университета специальных лекционных курсов «Методология русской истории», «Терминология русской истории», «История сословий в России», В. О. Ключевский в конце XIX в. обращал их внимание на одну из самых важных исследовательских проблем: «Множество терминов, встречающихся в памятниках нашей истории, до сих пор затрудняют даже нас, специалистов, и тем более будут затруднять вас, начинающих. Когда мы берем в руки рукописный документ XVII в., какую-нибудь грамоту, то мы читаем со страхом, потому что не знаем, поймем ли ее; очень легко встретить термин, перед которым нам придется остановиться в недоумении, а между тем этот термин либо объяснен в каком-нибудь акте, либо до сих пор живет где-либо в местном наречии с первоначальным своим смыслом».¹ Утверждение известного российского историка тем более справедливо по отношению к старинной торговой лексике, изобилующей давно уже вышедшими из употребления специфическими терминами. А смысл ряда слов современного русского языка совсем не соответствует их значению в эпоху средневековья. Скажем, «деловыми людьми» в допетровской России именовали не свободных предпринимателей, а зависимых людей монастырей.

Порой в исследованиях археологов, историков, лингвистов, литературоведов можно встретить поверхностные и односторонние суждения о значении устаревших слов, употреблявшихся в допетровской России по отношению к купечеству, торговым людям и товарообмену.² Нередко не принимается во внимание неоднородность терминологической базы древнерусского языка, состоявшей из нескольких разноуровневых

---

¹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 6. Специальные курсы. С. 7.

² См., например: *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // *СА.* 1974. № 3. С. 100–111; *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001. С. 266–268; *Birnbaum H.* Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city state. Berkeley; Los Angeles, 1981. P. 75.

лексических групп: 1) церковнославянизмы; 2) официальная делопроизводственная терминология; 3) бытовая сфера; 4) простонародный язык; 5) диалектизмы. Лексические нормы и трафареты актовых и законодательных памятников, конечно же, отличались от языка летописания, агиографических сочинений, эпистолярных произведений. Специфические особенности словоупотребления характерны и для переводной литературы, и для писцовых и переписных книг. Совсем иное дело — устное народное творчество, отразившееся в исторических песнях (старинах, былинах).

Кроме того, надо учитывать, что торгово-купеческие термины имели как социальное, так и профессиональное значение, которое не оставалось неизменным на протяжении многих столетий. Одни из них распространились довольно широко, для других характерно ограниченное употребление. Таким образом, при анализе торгово-купеческой лексики очень важно избежать огульных, недифференцированных оценок. Необходимо учитывать все нюансы и оттенки, хронологические и словоупотребительные различия. Только при таком подходе можно создать объективную картину. В противном же случае ошибочная трактовка смысла того или иного термина может привести к искаженным представлениям о социальном статусе представителей торгового мира старой России.

Прежде чем приступить к анализу терминов, использовавшихся в XVI–XVII вв. по отношению в торговым людям, совершив краткий экскурс в более раннюю эпоху. Уже в древнерусский период купеческая среда была неоднородна и состояла из нескольких прослоек, что отразилось и на торговой терминологии. «Гостями» издавна называли иноземных купцов и русских торговых людей, занимавшихся обменом с зарубежными странами либо с другими городами и землями Руси. Недаром это слово индоевропейского происхождения (*hostis*) свыше десяти раз употреблено в «Повести временных лет», в которой отражена преимущественно внешняя торговля молодого древнерусского государства.³ Одна из статей Псковской Судной грамоты XV в. касалась «купетскаго дела, и гостебного».⁴ А самих «гостей» в древнерусских источниках, например в новгородских летописях (с начала XIII в.), именовали иногда «гостебниками».⁵

Слово «купец» (и его новгородский вариант — «купчина») применялось в средневековой Руси XI–середины XV вв. в двояком значении: во-первых, в отношении всех лиц, занимавшихся профессионально товарообменом; а во-вторых, в более узком смысле так называли коммерсантов, специализировавшихся в сфере внутренней торговли. Пер-

³ СДРЯ. М., 1989. Т. 2. С. 371–373; *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 253–270.

⁴ Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 340.

⁵ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 569–571; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 254.

воначально оно употреблялось реже, чем термин «гость», и в «Повести временных лет», в отличие от более поздних летописных сводов, встречается лишь дважды.⁶ С ним связаны родственные слова «купля», «купить». Все эти общеславянские термины появились в глубокой древности и свидетельствуют о давнем знакомстве предков восточных славян с торговым обменом.⁷ В ином смысле слово «купец» в древнерусских источниках не употребляется.

Но позже языковая ситуация, связанная с применением данного термина, меняется и усложняется. С конца XV в. в актах и законодательных памятниках Московского государства (Белозерской уставной грамоте 1488 г., Белозерской таможенной грамоте 1497 г., Судебнике 1550 г., Соборном Уложении 1649 г. и др.) «купецом» стали также обозначать любого покупателя товаров и недвижимости.⁸

В конце XV—начале XVIII вв. термин «купец» имел два значения: 1) профессиональный торговец (в летописях, исторических повестях и сказаниях, агиографических сочинениях, художественной литературе); 2) покупатель в сочетании с антонимом «продавец», что характерно для законодательных и актовых источников. И это второе значение слова «купец» вошло с конца XV в. прежде всего в таможенное делопроизводство, а затем и в законодательные документы по одной простой причине: в лексике русского языка до XVIII в. отсутствовало существительное «покупатель», хотя и употреблялся ряд других слов, образованных от корня *куп* при помощи приставки *по-* (*покуп* в значении «купля, покупка» — с XII—XIII вв., *покупати* или *покупити* — с XIII в., *покупочный* — с XVI в., *покупка* — с XVII в.⁹).

В результате к второй половине XV в. созрела почва для внедрения в язык законодательных памятников и актовых документов антонимической пары «купец—продавец». Впервые она появилась в Белозерской уставной грамоте 1488 г.: «А кого изымают, хто поедет за озеро или кто учнет торговати по волостем и по монастырем белозерским, и они

⁶ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 1370, 1371, 1374, 1375; СлРЯ XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 126, 127; СДРЯ. М., 1991. Т. 4. С. 338.

⁷ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7. С. 67, 68; *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986. С. 68. Впрочем, следует упомянуть также о мнении ряда лингвистов, полагающих, что слово «купить» (производное от которого — «купец») заимствовано из готского «*kaupon*» или «*kaupjan*» (промышлять торговлей), в свою очередь происходящего из латинского «*сауро*» (лавочник, трактирщик). См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 420–421; *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с фр. М., 1995. С. 106; *Udolph J.* «Handel» und «Verkehr» in slavischen Ortsnamen // *Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa.* Göttingen, 1987. Т. 4. S. 576.

⁸ Судебники XV—XVI веков. М.: Л., 1952. С. 171, 173, 372, 402, 406; Соборное Уложение 1649 г. Л., 1987 (Гл. X. Ст. 209, 244; Гл. XVII. Ст. 13, 34; Гл. XVIII. Ст. 15; Гл. XXV. С. 11).

⁹ СлРЯ XI—XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 185–186.

с купца возмут два рубля, а с продавца возмут два рубля, рубль наместником, а рубль таможником. А что у них будет товару, у купца и у продавца, и тот товар у них емлют таможники на великого князя, а их дают на поруце наместник и таможник, да ставят перед великим князем».¹⁰ Это же положение о купце (как покупателе) и продавце имеется в Белоозерской таможенной грамоте 1497 г.¹¹ В противном случае одного из участников любой торговой сделки пришлось бы обозначать словосочетанием «человек купивший» либо «покупающий человек», что было не очень удобно. Изредка встречающийся в переводной литературе церковнославянизм «купующие» («купуюштие»), в отличие от существительного «купец», также плохо сочетался со словом «продавец».¹²

В то же время в Судебнике 1497 г. одна из статей «О займех» касается купцов — профессиональных торговцев (а не просто покупателей): «А которой купец, идучи в торговлю, возмет у кого денги или товар, да на пути у него утерается товар бесхитростно...».¹³ С таким же значением слова «купец» это положение, заимствованное из статьи 54 Русской Правды Пространной редакции (Устава Владимира Мономаха), приводится и в статье 90 Судебника 1550 г., и в Судебнике 1589 г. Вместе с тем в статье 95 Судебника 1550 г., касающейся продажи лошадей, использована пара антонимов «купец–продавец» («а пятенщиком имати с купца денга, а с продавца денга ж»), и купец выступает в роли простого покупателя.¹⁴

В различных актовых документах XVI–XVII вв. за понятием «купец», как правило, скрывается не профессиональный торговец, а вообще покупатель, в том числе земли, скота. В таможенных уставных грамотах (с XVI в.) и книгах XVII в. (Вологды за 1634–1635 гг. и др.) «купцами» записывали покупателей товара, а их контрагентов — «продавцами».¹⁵

Такая терминологическая практика первоначально сохранялась и в делопроизводстве петровской эпохи.¹⁶ Еще И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве», именуя профессиональных торговцев «купецкими людьми» (либо в собирательном смысле — «купечеством»), по-

¹⁰ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 22. С. 39.

¹¹ Там же. № 23. С. 41–43.

¹² «Во градех купуюше и продающе и прикупы богатеюще», — писал в XVI в. о торговцах Ермолай-Еразм. См.: ПЛДР. Конец XV–первая половина XVI века. М., 1984. С. 654.

¹³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 61.

¹⁴ Там же. С. 118–119.

¹⁵ Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. М., 1983. Ч. 1–3; *Кустерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI–начала XVII в. М., 2003. С. 47, 168 (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков. Т. 1). См. также сводные ведомости Архангельской таможни 1672–1674 гг. (*Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1916. Приложение VII. С. 575; Приложение VIII. С. 581 и др.). Ср.: Грамотки XVII–начала XVIII в. М., 1969. С. 86, 189 и др.

¹⁶ См.: Законодательство Петра I. М., 1997. С. 451, 647.

прежнему обозначал покупателя словом «купец».¹⁷ Но уже в документе «Артикул воинский купно с процессом надлежащий судящим» (1715), Регламенте Коммерц-коллегии (1719), Таможенном уставе 1724 г. и Вексельном уставе 1729 г. термин «купец» относится только к представителям купечества (а не к покупателям, как раньше), а в указе императрицы Елизаветы Петровны от 20 декабря 1753 г. об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов фигурируют «подданные наши российские купцы», которые «внутри государства нашего всякие товары продавать и покупать будут безошлинно».¹⁸ И в частноправовых актах (духовных) представителей купечества Москвы с конца 1730-х–начала 1740-х гг. именование «купецкий человек» уступает место социально-профессиональному определению «купец».¹⁹ Этот языковой процесс связан в определенной степени и с окончательной ликвидацией привилегированных корпораций гостей и Гостиной сотни (Суконная сотня прекратила свое существование уже в конце XVII в.) в 1728 г., когда Сенат постановил «гостям и гостиною сотне быть во всех городах в подушном окладе и в службе с прочими посадскими наряду и верстаться между собой по богатству обще, а не особо», и с консолидацией купечества, и с завершением юридического оформления купеческого сословия в России, распределенного вначале по двум, а затем по трем гильдиям.²⁰ Вот какое определение дано в проекте нового Уложения, разработанном в 1767 г. Уложенной комиссией: «Купцами почитают таких, которых издавна предки гостем пожалованы и в гостиинныя, суконныя и казенныя, и черныя сотни и слободы, и в посадские записаны были и после того в купечество записывались и по гильдиям росписаны».²¹ Во второй половине XVIII в. (в начале екатерининской эпохи) лексика русского языка обогатилась наконец существительным «покупщик» (покупатель), употребленным и в Уставе о Рижской коммерции 1765 г. («в пользу покупщика»), и в «Учреждениях для управления губерний» 1775 г. («деревню за покупщиком»), а также зафиксированным в «Словаре Академии Российской» (1789–1794): «Покупщик. Покупщица. Кто покупает что».²² В следующем столетии оно прочно во-

¹⁷ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004. С. 119–120.

¹⁸ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 5. № 3318. С. 672–675; Т. 7. № 4451, 4453. С. 233, 235–236, 239, 244–245; Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 162, 443, 445–458; Законодательство Петра I. С. 835.

¹⁹ См.: *Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная статья и коммент. Н. В. Козловой.* М., 2002. С. 134–138.

²⁰ См.: ПСЗ. СПб., 1830. Т. 8. № 5300. С. 61–62; *Аксенов А. И.* 1) Положение и судьбы гостей в конце XVII–XVIII вв. // *Проблемы отечественной истории.* М., 1973. С. 67–70; 2) *Генеалогия московского купечества XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии).* М., 1988. С. 34–37.

²¹ *Латкин В. И.* Законодательные комиссии в России в XVIII в. СПб., 1887. Т. 1. С. 163.

²² ПСЗ. СПб., 1830. Т. 17. № 12518. С. 394; Т. 20. С. 247; *Словарь Академии Российской.* 1789–1794: В 6 т. М., 2004. Т. 4. Стб. 1080.

дит в обиход, в том числе в форме «покупатель».²³ «Покупщик обыкновенно просит отсрочки на год, продавец не соглашается на такой долгий срок, а, наконец, склоняется отсрочить на 8 месяцев. Покупщик предлагает ему потом векселя и поручительства, которые продавец или принимает, или отвергает», — говорится в переводе с французского О. Сомова сочинения Г. Ремана «Макарьевская ярмонка» (1822).²⁴ Хотя на протяжении всего XVIII в. порой в быту и реже в официальных документах покупателей по-прежнему именовали «купцами», а не «покупщиками», из делопроизводственного употребления постепенно уходит антонимическая пара «купец–продавец».²⁵

В летописях купцы-профессионалы с начала XVI в. именуются нередко «торговыми людьми» (в единственном числе — «торговый человек»), чтобы отличить их от любых покупателей-купцов (по терминологии законодательных памятников и актовых источников). 15 декабря 1512 г. из Москвы направили «торговых людей Алексея Можайтинова с товарищами для забрания оставшейся в Царьграде после Морозова рухляди». Позже торговыми людьми стали называть членов менее привилегированных, чем гости, купеческих корпораций — Гостиной и Суконной сотен, а также не входивших в них рядовых городских торговцев. Причем уже в правление Ивана III существовала социальная градация торговых людей, среди которых выделялись «лутчие», «средние» и «черные», упоминающиеся под 1502 г. в одном из посольских документов из крымских дел.²⁶

В разного рода материалах XVI–XVII вв. (Новоторговом уставе 1667 г. и др.) фигурируют также «купецкие люди», под которыми, естественно, подразумеваются только профессиональные торговцы.²⁷ Однако и в летописях, и в агиографических сочинениях, и в хождениях, в художественной литературе XVI–XVII вв. и даже в дипломатических материалах конца XV–XVII вв. термин «купец» продолжал использоваться, как и на бытовом уровне, в своем исконном и более древнем значении «профессиональный торговец». К примеру, в стегейном списке российского посольства в Данию в 1562–1563 гг. новгородец Василий Прохнов именуется то гостем, то купцом, как и один из персонажей

²³ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1990. Т. 3. С. 248. К примеру, в повести А. Ф. Вельмана «Не дом, а игрушечка!» (1850) автор употребляет только слово «покупщик», а в очерке И. Т. Кокорева «Кулак и барышник» фигурируют как покупатели, так и покупатель. См.: *Кокорев И. Т.* Соч. М.; Л., 1959. С. 90–92; Русская историческая повесть первой половины XIX века. М., 1986. С. 737–739.

²⁴ *Реман Г.* Макарьевская ярмонка. Выписка из неизданного путешествия по Восточной России, Сибири и Китайской Мунгалии // Северный архив. 1822. Апрель. № 8. С. 138–140, 142–146; Март. № 9. С. 207–208, 238.

²⁵ Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2000. Вып. 11. С. 76; Словарь Академии Российской. 1789–1794: В 6 т. М., 2002. Т. 3. Стб. 1072.

²⁶ *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. М., 1998. Т. 6. С. 313. Примеч. 563.

²⁷ СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 8. С. 126, 127; ПРП. М., 1963. Вып. 7. С. 307, 311, 315–316, 320 и др.

«Повести о Карпе Сутулове».²⁸ Автор хождения в Персию (начало XVII в.), «московский купец Федот Афанасьевич Котов с восьмью товарищами был послан с царскими товарами за море», чтобы их продать и на вырученные деньги закупить необходимые восточные товары.²⁹ Героями «Повести о некоем купце Григории», «Повести о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем», «Повести о купце, заложившемся о добродетели жены своей» являются профессиональные торговцы, но не покупатели недвижимости или товаров для личного потребления. Такая же языковая ситуация характерна и для переводных художественных произведений («Фациции», «Великое зеркало» и др.).³⁰ И даже в Новоторговом уставе 1667 г. составители использовали термин «купец» (правда, всего лишь один раз) применительно к профессиональному торговцу, а не к любому покупателю.³¹ Собирательное же обозначение «купецкий (купеческий)» всегда относилось только к торговцам-профессионалам.³²

С конца XVII в. словом «купечество» стали обозначать в художественной литературе не только торговую деятельность, но и совокупность торговцев-профессионалов. В первый в России поэтический рукописный сборник «Вертоград многоцветный» (1678) известного литератора и педагога Симеона Полоцкого включено стихотворение «Купецтво», в котором оно обвиняется в 8 тяжелых грехах.³³ Более нейтрально изображен им купчина в «Комидии притчи о блуднем сыне».³⁴

Купчинами называли обычно в XVI–XVII вв. иноземных и русских торговцев, выполнявших поручения властей по казенным закупкам (хлеба, мехов и пр.), а также тех посланцев за рубеж, которые имели задание по продаже царских товаров. Кроме того, в писцовых книгах Великого Новгорода XVI в. упоминаются корыстные («корыстовные») купчины, занимавшиеся, очевидно, сбытом чужих товаров в городе на условиях получения части торговой прибыли, а также отъезжие купчины, выезжавшие из города в другие места с целью скупки и перепродажи товарной продукции сельского хозяйства и ремесленного производства.³⁵ Чем же конкретно они отличались от прасолов, упоминающихся порой вместе в одних и тех же новгородских документах, например

²⁸ *Ульфельдт Яков*. Путешествие в Россию. М., 2002. Документальные приложения. С. 544–545.

²⁹ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 63.

³⁰ См.: ПЛДР. XVII в. М., 1988. Книга первая. С. 69, 71–95; ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга вторая. С. 88, 63, 95, 100.

³¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 120.

³² См.: История предпринимательства в России. Книга первая. От средневековья до середины XIX века. М., 2000. С. 7.

³³ *Полоцкий Симеон*. Избранные сочинения / Подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М.: Л., 1953. С. 7, 8.

³⁴ Там же. С. 177, 178.

³⁵ Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. документов / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 62–63; КПНВ. С. 168.

в меновой грамоте Пантелея Федорова сына прасола Мине Климентьеву сыну корыстного купчины (от 16 марта 1591 г.), сказать трудно.³⁶ В отличие от других торговых людей, и прасолы, и отъезжие купчины изначально отправлялись в деловые поездки с деньгами, но без товаров.

В Весеьгонской таможенной грамоте 1563 г. различаются «торговые люди с товаром и без товару скупщики».³⁷ Из грамоты царя Бориса Годунова, направленной 3 ноября 1601 г. в Соль Вычегодскую и Усольский уезд, можно узнать, как «многие скупщики хотя такую же корыстью хлебною продажею от дорогие цены обогатети <...> езда и розсылая по всей Вычегодской земле в станы, и в волости, и в села, и слободы, и в погосты, в хлебную дешевую пору роздали и иззаздачили на хлеб по дешевой цене многие деньги» земледельцам, а затем эти торговцы-спекулянты приобретенный заранее по дешевке хлеб «отсылают в отвоз и цену в хлебе вздорожили, и тот свой закупной хлеб продают по той по большой цене».³⁸

В сравнении с предыдущим периодом для торгового мира второй половины XVI–XVII в. характерна еще большая дифференциация в имущественном, профессиональном и социальном плане. К концу XVI в. завершилось начавшееся еще в середине столетия оформление привилегированных государственных корпораций — гостей, Гостиной и Суконной сотен, зачисление в которые производилось властями, поставившими на службу феодальному государству представителей зажиточного купечества.

Чин гостя уже с середины XVI в. становится личным и не передается по наследству. Начало их правовому обособлению от остальной массы торгового люда положил Судебник 1550 г. Гостиными отныне именовали только членов самой привилегированной купеческой корпорации России, получавших от царя личную грамоту с привилегиями.³⁹ Обычно цари жаловали этим чином конкретного купца за различного рода услуги, оказанные государству: сбыт за рубежом казенных товаров и закупку ремесленных изделий, сырья, продуктов для нужд казны; организацию по поручению властей монетной чеканки; таможенную и кабацкую службы; управление казенными заводами, промыслами и т. д. Как полагает Н. Б. Голикова, к этим новым «указным» гостям нельзя относить всех владельцев так называемых «гостиных дворов» ряда провинциальных городов России (Казани, Муром, Новгорода Великого

³⁶ Там же. С. 140.

³⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 263. С. 296. Скупщики наряду с барышниками упоминаются также в статейном списке Дж. Флетчера 1589 г. См.: СлРЯ XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 25. С. 45.

³⁸ Восстание И. Болотникова. Документы и материалы / Сост. А. И. Копанев и А. Г. Маньков. М., 1959. С. 69–70.

³⁹ См.: Голикова Н. Б. 1) Привилегированные купеческие корпорации России XVI–первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1 (далее — Голикова Н. Б. Корпорации); 2) К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII–первой четверти XVIII в. // Русский город. М., 1980. Вып. 3. С. 39–41.

и др.), облагавшихся налогом в размере одной золотой монеты («золото-го»).⁴⁰ Однако частные городские дворы гостей следует отличать от именующихся точно так же государевых гостиных дворов, предназначенных для остановки приезжих торговцев и распродажи товаров. Наряду с дворами гостей «Никифора да Ивана Юрьевых детей Петрова да у них же пригорожен двор гостин Степановской Микулина сына Сухобокова», «Фуника Васильева сына Сухобокова», в Коломне в начале XVII в. упоминается «двор гостин соляной».⁴¹ Содержатели двух гостиных дворов на Белоозере, согласно Белозерской таможенной грамоте 1551 г., платили «дворовую пошлину». Вопрос о соотношении «старых» («безуказных») гостей и «новых» («указных») гостей нуждается в дальнейшем углубленном исследовании. Как предположил В. Д. Назаров, уже с середины XV в. представители гостей возглавляли «институты самоуправления тяглых горожан», в функции которых входили раскладка повинностей, обеспечение сбора налогов и участия горожан в ополчении, благоустройство улиц и дорог, управление общественными зданиями и запасами.⁴²

В правовом отношении гости были обособлены от остальной части посадского населения. Судебные иски против них разбирались не на местах воеводами, а в центральных правительственных учреждениях — приказах, причем решения выносились специально уполномоченными лицами либо даже самим царем. Согласно Судебнику 1550 г., штраф за «бесчестье» полагался «торговому гостем болшим пятьдесят рублев, а женам их вдвое против их бесчестия; а торговым людем и посадским людем и всем середним бесчестия пять рублев».⁴³ Дворы гостей освобождались от постоянной и ряда других повинностей, в том числе от посадского тягла: «А будет кому гостем или торговым людем даны будут государевы жаловальные грамоты за красными печатями, что у них стояльщиков не ставить, и с черными сотнями им в тягле не бытъ, и питья у них не вымать...» (из статьи 8 главы XVII Соборного Уложения 1649 г.). Как и прочим торговцам, гостям предоставлялись в Москве каменные лавки, но за это требовалось внести деньги в государеву казну. Купцам, зачисленным в состав гостей, выдавались от имени царя персональные жалованные грамоты. По Соборному Уложению 1649 г. за «бесчестье» гости могли взыскивать с обидчика очень высокий штраф в 50 руб., а не 5 руб., как в пользу рядовых торговцев.⁴⁴ Но наря-

⁴⁰ По мнению Б. Н. Флори, «гостиные дворы» выделялись при налогообложении до 70-х гг. XVI в. См.: *Флора Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве конца XV—начала XVII в. // *История СССР.* 1977. № 5. С. 149–150, 154. Ср.: *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // *АРИ.* М., 1994. Вып. 5. С. 20.

⁴¹ Города России XVI века: материалы писцовых описаний / Изд. подгот. Е. Б. Французовой. М., 2002. С. 32, 54.

⁴² *История России с древнейших времен до конца XVII века.* М., 1996. С. 383.

⁴³ *Российское законодательство X–XX веков.* Т. 2. С. 100.

⁴⁴ *ПСЗ.* СПб., 1830. Т. 1. С. 26.

ду с привилегиями они имели и довольно широкий круг государственных обязанностей, подчас весьма обременительных: сбор и раскладка прямых налогов с посадского населения; внесение из личных средств чрезвычайных сборов в казну; продажа казенных товаров (например, оценка и сбыт пушнины) и др. Гости могли владеть вотчинами и поместьями, игравшими подсобную роль в их хозяйстве, но формально не имели права приобретать крестьян.⁴⁵ На них трудились и слуги, и холопы (люди, попавшие в зависимость из-за долговой кабалы).

Н. Б. Голиковой, не считающей правомерным «проводить прямые параллели между московскими гостями-суроужанами и суконниками XIV–XV вв., с одной стороны, и членами официально образованной новой сословной привилегированной корпорации гостей» — с другой, удалось выявить около 70 крупных русских купцов, получивших в XVI в. звание гостя, однако самые ранние жалованные грамоты до нас не дошли.⁴⁶ Среди них были и потомки самых богатых суроужан, переселенных властями еще в конце XV в. из Московской Руси в Новгород Великий (Корюковы, Сырковы, Таракановы, Ямские), и другие видные представители купеческого мира Москвы и провинциальных городов.⁴⁷ Надо сказать, что единовременная численность гостей была небольшой: на Земском сборе 1598 г. их насчитывалось 21 человек.⁴⁸

Одна из первых царских грамот о пожаловании «гостиним именем» была выдана в 1598 г. новгородским купцам И. Соскову и Г. Минину. 15 сентября 1598 г. Иван Ананьич Сосков получил жалованную грамоту на звание гостя: «Божиею милостью мы великий государь царь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, и сын наш царевич князь Федор, пожаловали есмя наши отчины Великого Новагорода торгового человека Ивана Онаньина сына Соскова гостиним именем: велели ему быти в гостех, и на дворе его стояльщиком никаким не ставитися, опричь наших походов, и всякое питье велели ему держати безьявочно и безвыимочно, про себя, а не на продажу; а в которые города Иван поедет, или его дети, или племянники, с его товары, и в тех городах наши наместники и воеводы и приказные люди их не судят ни в чем, а судим мы великий государь и великий князь Борис Федорович, всеа Русии самодержец, и сын наш царевич князь Федор, или кому повелим судити. Дана грамота на Москве, лета 7107, сентября в 15 день».⁴⁹

---

⁴⁵ См. подробнее: *Голикова Н. Б.* Формы землевладения и землепользования гостей и гостининой сотни в конце XVI–XVIII в. // *Торговля и предпринимательство в феодальной России.* М., 1994.

⁴⁶ *Голикова Н. Б.* 1) Корпорации. Т. 1. С. 23–58; 2) Образование сословной корпорации гостей... С. 10.

⁴⁷ Впрочем, среди суроужан, наряду с зажиточными коммерсантами, попадались также люди со средним и даже небольшим оборотным торговым капиталом, потомки которых могли быть причислены с середины XVI в. к гостям лишь в случае собственного возвышения на ниве коммерции. См.: *Сыроечковский В. Е.* Гости-суроужане. М.; Л., 1935. С. 78–79.

⁴⁸ *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 127–141.

⁴⁹ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 147.

В ней использовано характерное выражение — «велели ему быти в гостех», прямо свидетельствующее о принудительной записи властями торговых людей в эту привилегированную группу, стоявшую на служебной лестнице на одну ступень ниже государевых дьяков: по указу царя Алексея Михайловича 20 апреля 1659 г., вызванному челобитной гостя Матвея Антонова, который был недоволен написанием его фамилии «ниже дьячья имени», предписывалось «дьячью чину быть чстью выше их гостинаго имени». ⁵⁰ В официальных документах гостей, в отличие от думных чинов и представителей феодальной аристократии, никогда не именовали по отчеству на -ич. В росписи денег, израсходованных дьяком А. Галкиным на уплату долгов за М. И. Твердикова и другие выплаты (документ датирован 28 ноября 1671 г.), не по чину указанное отчество «Савич» гостя И. С. Худякова исправлено на обычное «Савин сын». ⁵¹

Положение самой привилегированной купеческой корпорации России отличалось двойственным характером. Занятие торгово-предпринимательской деятельностью сближало гостей с остальной массой людей «купецкого чина». Их общие интересы заключались прежде всего в ослаблении диктата и мелочной регламентации властей. Вместе с тем гости, будучи заинтересованными в успешном выполнении возложенных на них властями обязанностей, часто злоупотребляли своим положением, чем вызывали недовольство и даже ненависть рядовых посадских жителей. Последние нередко страдали от произвола сборщиков государевых пошлин, в числе которых были и гости, которых автор описания поездки в Россию голландского посла Кунраада Ван-Кленка (1675–1676) по праву называл придворными купцами. ⁵² А вот что писал об их положении во времена царя Алексея Михайловича (1645–1676) бывший подьячий Посольского приказа Григорий Котошихин: «Гости, и в тех гостех бывают ис торговых людей, гостиной и суконной сотен, и ис посадских людей. А бывают они гостиным именем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовалниках у соболиные казны, и в таможнях и на кружечных дворах; и торги своими торгуют и всякими промыслы промышляют; а волно им в домех своих, про свой росход, держати питье, и варити и курити, чрез целый год, так же волно

---

⁵⁰ Хотя в Соборном Уложении 1649 г. гостей при перечислении поставили между думными дьяками и просто дьяками. Но 17 августа 1649 г. в челобитной думного дьяка Михаила Волошенинова подчеркивалось, что «дьячий чин издавна в Розряде написан честнее их гостей» и «при прежних великих государех лучшие гости их братья бывали с дьяками безсловно; а ныне де в гостином чину люди молодые, и дети обычных отцов торговых людей, а иных де гостей отцы церковнаго чину». См.: ПСЗ. Т. 1. № 248. С. 466, 467.

⁵¹ Привилегированное купечество России во второй половине XVI–первой четверти XVIII в.: Сб. документов / Сост. Т. Б. Соловьева (отв. сост.), Т. А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. № 44.6. С. 197.

⁵² Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 359.

и вотчину купити, и держати, и под заклад имати». ⁵³ Как видим, самому привилегированному купечеству дозволялось даже приобретать крупные земельные владения и закладывать их под денежные кредиты. Правда, по царским указам 1666 и 1679 гг. покупка вотчин разрешалась гостям только после подписания их челобитных думными дьяками. ⁵⁴

Но за невыполнение обязанностей гости отвечали сполна перед властями и казной. «А будет которой гость, или иной человек, будучи у збору или у продажи, перед старыми годами прибыли соберет менши прошлого году, своим нерадением, гулянием, или пьянством: и тое прибыль, которой было быть в котором году, счотчи против иных городов прибылей, берут на них самих; да сверх того бывает наказание кнумом. А будет они, верные головы и целовальники, и истинны не соберут сполна, за дороговью или за иным чем-нибудь, а не своим нерадением: и таким за такие дела не бывает ничего», — свидетельствует все тот же Григорий Котошихин. ⁵⁵ Последнее его утверждение, впрочем, не совсем соответствует действительности. Гостям приходилось отвечать своими капиталами перед государевой казной за несобранные в полном объеме платежи в любом случае, что иногда приводило к их разорению. Взрослые сыновья гостей, занимавшиеся торговым делом, но не числившиеся ни в одной из трех привилегированных купеческих корпораций, в документах именовались «гостиными детьми». ⁵⁶ А позже, с 20-х гг. XVIII в., по отношению к детям «гостиных сыновей» стал применяться термин «гостиный внук». ⁵⁷

В отличие от гостей, членство в Гостиной и Суконной сотнях обычно было семейным и наследственным. Как выяснила Н. Б. Голикова, Гостиная сотня появилась в промежутке между 1568 и 1584 гг., но, скорее всего, вскоре после Земского собора 1566 г. либо после 1571 г., а к концу XVI в. в ней уже насчитывалось до 300 человек, т. е. в десять раз больше, чем гостей. ⁵⁸ 7094 (1585/1586) г. датирована купчая грамота, согласно которой «Дмитрей Леонтьев сын Воропаева торговой человек Гостиные сотни» продал Соловецкому монастырю часть своего двора в Москве и заложил за 5 руб. всю усадьбу. ⁵⁹

Торговые люди Гостиной сотни, также пользовавшиеся различного рода льготами, оформлявшимися как общими корпоративными, так и персональными жалованными грамотами, занимали второе место

---

⁵³ Котошихин Г. О России в царствование царя Алексея Михайловича. М., 2000. С. 164–165.

⁵⁴ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. С. 210–211, 340.

⁵⁵ Котошихин Г. О России в царствование царя Алексея Михайловича. С. 164–165.

⁵⁶ Так они называются, например, в деле (июль 1632 г.) о взятии с населения Москвы лошадей, телег и возчиков во время Смоленской войны. См.: Привилегированное купечество... Т. 1. № 23.1. С. 113–114.

⁵⁷ Голикова Н. Б. Корпорации. Т. 1. С. 191.

⁵⁸ Там же. С. 216–222.

⁵⁹ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891. Т. 2. Стб. 610–611.

в социальной иерархии российского купечества конца XVI–начала XVIII вв. В нее наряду с выделившимися ранее «смолянами» и торговыми людьми-москвичами первоначально записывали даже мелких торговцев и ремесленников. Подобно гостям они освобождались от уплаты мелких таможенных сборов, посадского тягла, от подворной повинности, постоев и были подсудны только центральным властям в лице Казенного приказа.⁶⁰ Правда, для торговых поездок за границу им требовалось получать от правительства специальные разрешения. В 1588 г., например, власти отпустили торговать в Литву «торговых людей московских жильцов Ондрюшу да Петрушу Степановых детей Улановых», которые в челобитной на имя царя Федора Иоанновича именовали себя как «торговые людишка гостиные сотни».⁶¹ Дополнительные государственные обязанности, порой отвлекавшие от собственных дел, приводили к росту задолженности и даже разорению некоторых торговых людей Гостиной сотни. Вследствие сильной имущественной дифференциации позже, в XVII в., ее даже разделили на три разряда: «лутчих», «средних» и «молодчих» людей. В отличие от гостей, членов Гостиной сотни в приказной документации могли именовать тяглецами, но никогда не относили к черным посадским людям.⁶² Всего через нее прошло около 2100 человек, причем эта цифра в разные годы колебалась. Она значительно увеличилась в последней четверти XVII в., когда власти зачислили в состав Гостиной сотни купцов ликвидированной Суконной сотни, которая нередко включала ремесленников. Последних же, как непосредственных товаропроизводителей, нельзя причислять к купечеству. Иногда, впрочем, ремесленники входили даже в Гостиную сотню. Но порой торговые люди провинциальных городов России уклонялись (в том числе при помощи взяток) от записи в Гостиную сотню.

Социальный статус и имущественное положение членов третьей государственной корпорации — Суконной сотни были, естественно, хуже, чем у гостей и торговых людей Гостиной сотни. Точное время появления Суконной сотни установить пока не удастся, но ее староста, наряду с гостями и старостой Гостиной сотни, участвовал в Земском соборе 1598 г. До учреждения Суконной сотни в Москве, Калуге, ряде других городов существовали «суконничьи двory». В крепости Коломны в 1577/78 г. «суконничьех было восемь дворов», в том числе «двор суконнич Семена Борисова сына Синего Зуба», «да три места припускные были суконничьи же» (Петра Терентьева, Дениса Першина, Треть-

---

⁶⁰ О судебном иммунитете членов Гостиной сотни, не подлежавших суду местных властей, говорится в челобитной В. М. Климишина от 28 июля 1611 г. См.: ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 4. С. 5–6.

⁶¹ Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667 гг.). Минск, 1963. № 18–19. С. 21–23.

⁶² См., например: Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» / Публ. Ю. С. Васильева, Р. П. Биланчук, С. Е. Замараева // Быть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 163, 175.

яка Козлова, Ивана Татева, Ивана Елизарова, Семена Исакова, Третьяка Сермяжникова), которые занимали владельцы других дворов.⁶³ Кое-кто из суконников и владельцев суконничьих дворов мог стать членом Суконной сотни, но вопрос о взаимосвязях двух этих групп купечества нуждается в специальном исследовании.

В одном из документов середины XVI в. назван «суконничий староста». Эта должность, возможно, существовала и столетием раньше. По письменным источникам Суконный ряд в Москве известен с 1570-х гг., хотя появился, конечно, задолго до этого, ведь московские суконники упоминаются с конца XIV в. Возникновение второго Смоленского Суконного ряда в столице, по документам зафиксированного только с первой четверти XVII в., С. В. Бахрушин и другие историки по праву связывают с переселением в 1514 г. торговцев из Смоленска, специализировавшихся на перепродаже сукна западноевропейского производства.⁶⁴ Суконные ряды занимали важное место и на торгах менее крупных городов, например Коломны, где они состояли в конце XVI в. из 17 лавок и 14 лавочных мест (опись 1577–1578 гг.).⁶⁵

Поскольку более древняя жалованная грамота сгорела во время Смуты, староста Суконной сотни Данила Чуваев получил 3 июня 1625 г. от имени царя Михаила Федоровича новый документ, в котором, в частности, ее членам даровалось «с черными сотнями никаких дел не делать, и питье про себя держать безвыимочно, и стояльщиков во дворах не ставить, и избы им топить вольно, и подвод у них по ямом и на дороге не иметь, и на реках перевозу и на мостех мостовщины и проезжего мыта не иметь; а кто их чем обесчестит, а по суду доишутца, и лутчим людем бесчестья по пятнадцати рублей, середним по десяти рублей, молотчим по пяти рублей».⁶⁶ В отличие от гостей и членов Гостиной сотни, торговым людям Суконной сотни, в которую вошло немало ремесленников (сапожников, шапочников и др.), не разрешалось в любое время пользоваться домашними банями («топить мыльни») и ездить за границу, хотя ранее, в начале XVII в., зарубежные поездки совершали не только члены Суконной сотни, но и непривилегированные торговцы из черных сотен.⁶⁷ Штраф за их «бесчестье» был ниже, но и ответствен-

⁶³ Города России XVI века. С. 25–27, 29. 31–32.

⁶⁴ История Москвы. М., 1952. Т. 2. С. 157–158; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 183. О более раннем существовании Суконного ряда косвенно свидетельствует летописное сообщение о московском пожаре 1547 г., когда «лавки все гостины и суконничы и всех торговых людей погореша» (см.: ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 29).

⁶⁵ Писцовые книги XVI века. Спб., 1872. Отд. 1. С. 314.

⁶⁶ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. Стб. 1105–1106. Такие же размеры штрафов указаны в памяти от 18 мая 1645 г. из Казанского приказа в Земский приказ («По государеву указу. Суконные сотни торговым людем за бесчестье указывают: лутчему человеку пятнадцать рублей, середнему человеку десять рублей, молотчему пять рублей»). См.: АИ. Спб., 1843. Т. 3. № 92; Законодательные акты. Л., 1986. № 304. С. 210.

⁶⁷ Русско-белорусские связи. № 15–17, 37, 39. С. 21–23, 58–60.

ность за выполнение обременительных государственных обязанностей поменьше. Далеко не всегда Суконная сотня служила резервом, из которого формировались две более привилегированные группы русского купечества. В царской жалованной грамоте члену Суконной сотни Петру Рязанцеву (Рязанцову) от 14 января 1682 г. упоминается о том, как царь Алексей Михайлович в 1671 г. «пожаловал суконные сотни торговых людей, где им лучится в отъезде быти самим, или их детям и племянником, и людем их: и бояря наши и воеводы и дьяки и всякие приказные люди ни в чем их не судят; а кому будет в чем до них дело, и их судят на Москве наши бояря, или кому мы Великий Государь укажем; а где они станут на ком искать, или кому отвечать, в котором Приказе нибудь, а по суду дойдет до крестного целования, и им самим лутчим и середним людем, и их братье и детям креста не целовати, а целовати крест людем их, а молодчим людем крест целовати самим; и с черными сотнями никаких им дел не делати и не тянути ни в чем». Было подтверждено право «питье им про себя держать всякое безпенно и безвыимочно, и мостов, кроме Николаевского мосту, им не мостить, и столпцов у них во дворех и всяких иноземцов не ставить».⁶⁸ Царь Федор Алексеевич подтвердил практически все эти привилегии. Наряду с гостями и Гостиной сотней, члены Суконной сотни упоминаются в акте от 26 мая 1682 г. о восшествии на престол царей Ивана V и Петра I.⁶⁹

Члены всех трех привилегированных купеческих корпораций, во главе которых стояли старосты, обращаясь к царю, именовали себя уничижительно. Вот, например, начало коллективной челобитной торговых людей разных городов о притеснениях иноземцев, живущих в русских городах по торговым делам (1646): «Царю Государю Великому Князю Алексею Михайловичу всяя Росии бьют челом, холопи и сироты твои государевы, гостишка и гостиныя и суконныя сотни и черных сотен торговые людишка...».⁷⁰

Гости, которые при перечислении всегда стоят на первом месте, и прочие торговцы различаются не только в актовой документации, но и в летописных источниках. Вот как, к примеру, в Пискаревском летописце повествуется о начале патриотических деяний нижегородского мясоторговца Кузьмы Минина: «Лета 7120-го в Нижнем Новеграде некий торговой чело[в]ек от простых людей имянем Козьма прозвище Минин смышлен и язычен. И почал советовати с своею братьею с нижегородцы: з гостями, и с торговыми людьми, и со всякими, како бы им пособити Московскому государству».⁷¹

Численность, а также стабильность состава привилегированного купечества зависели от внутренних и внешних факторов социально-эко-

⁶⁸ ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 252. С. 354–355.

⁶⁹ ПСЗ. Т. 2. № 920. С. 399.

⁷⁰ ААЭ. Т. 4. № 13. С. 14.

⁷¹ Материалы по истории СССР. Вып. 2. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 136.

номического и политического характера. Среди них можно упомянуть события Смутного времени и войну России с Польшей 1654–1667 гг., налоговую политику властей, их стремление при помощи членов привилегированных купеческих корпораций обеспечить функционирование ряда казенных служб (прежде всего — таможенной) и денежные поступления в казну. Как было зафиксировано в 1649 г., «по окладным книгам, за руками сотенных людей, ныне в гостинной сотне гостей 13 человек, гостиные сотни торговых людей, лутчих и середних и худых, и с теми, которые служеб не служати в тяглые не положены, 158 человек», а в Суконной сотне насчитывалось 116 человек. 13 декабря 1653 г. датированы две челобитные, поданные на имя царя Алексея Михайловича, с просьбой не взыскивать с челобитчиков частные долги в пользу Английской Московской компании: одна — от имени 17 гостей и 116 членов Гостинной сотни, а вторая — от имени 163 членов Суконной сотни. Таким образом, привилегированные купеческие корпорации состояли на тот момент из 296 человек. Двадцать два года спустя, в 1675 г., были расписаны службы 25 гостей, причем 12 из них происходили из шести потомственных купеческих династий (Веневитиновых, Кирилловых, Климишиных, Сверчковых, Филатьевых, Юрьевых). Согласно царскому указу от 17 января 1687 г., уже 31 гость был пожалован по случаю заключения «вечного мира» с Польшей 1686 г. денежными и поместными окладами («за многия их службы и за денежные подати» на военные нужды. За двенадцать лет, прошедших с 1675 г., состав гостей изменился, но по-прежнему среди них было немало родственников. Чтобы пополнить Гостиную и Суконную сотни, правительство прибегало к практике групповых наборов.

Основная масса участников рыночного обмена в городах была представлена посадскими людьми, среди которых преобладали ремесленники-торговцы. Однако представляется не вполне корректным безоговорочно причислять в социальном отношении к посадскому люду представителей привилегированных купеческих корпораций (особенно гостей), в правовом отношении возвышавшихся над ним, отличавшихся и по имущественному положению, и по условиям жизни.⁷² По Судебнику 1550 г. за «бесчестье» устанавливался различный денежный штраф: «торговым гостем большим»; «торговым людем и посадцким людем и всем середним»; «черному городцкому человеку молодчему», а также их женам (причем штраф за оскорбление «слабого пола» был в два раза выше, чем оценивалась честь их мужей).⁷³ Такое трехчленное деление торгово-ремесленного населения характерно и для конца XVI в. Соборное определение 1598 г. об избрании царем Б. Ф. Годунова составлено от имени различных социальных слоев, в том числе «и гостей, и торго-

⁷² См., например: *Ключевский В. О.* Соч. Т. 6. С. 123 («Посадские люди города Москвы разделялись на такие слои: гости, гостиная сотня, суконная сотня, торговые люди черных сотен и слобод, или черные сотни и слободы»).

⁷³ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 101.

вых людей, и черных людей». ⁷⁴ Гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, возвышавшихся над рядовым черносотенным населением, связывали с посадскими людьми лишь происхождение, общность занятий (торговля), а также несение государева тягла.

Именно из черных сотен пополнялась в 1601/02 г. и в последующий период Гостиная сотня, члены которой именовались чаще всего торговыми людьми и очень редко посадскими людьми Гостиной сотни. К примеру, 28 июля 1611 г. к боярам обращался с челобитной «московской посадцкой человек Гостиные сотни Васька Матвеев сын Климин», но это единственный случай. ⁷⁵ В более поздних царских грамотах и других документах, как правило, все эти категории городского населения четко дифференцированы. На Торговой стороне Великого Новгорода, как упоминается в итоговой выписке 1623 г., по информации дозорных книг 1607 г. «было в живущем три гостя да посадцких людей тритцать четыре человека лутчих, двести тритцат восемь человек средних, восьмьсот восьмьдесят три человека молотчих». ⁷⁶ По Соборному Уложению 1649 г., штраф за «бесчестье» полагался «черных сотен и слобод и посадским тяглым лутчим людем по семи рублев человеку», т. е. на два рубля больше, чем человеку «меньшой статьи» Суконной сотни, члены последней перечислялись выше посадских людей, которые не входили ни в одну из привилегированных государственных торговых корпораций. ⁷⁷ Решение Земского собора от 1 октября 1653 г. о воссоединении Украины с Россией подписали «и гости, и гостиные и суконные сотни, и черных сотен и дворцовых слобод тяглые люди». ⁷⁸ В составлении челобитной на имя царей Ивана V и Петра I 6 июня 1682 г., наряду со стрельцами, участвовали «гости и гостиных разных сотен, и Кодашевцы, и дворцовой и конюшенной слободы, и сироты ваши посацкие люди, и холопы ваши ямщики всех слобод». В ответ последовало обращение от имени юных царей к «гостям и гостиные и суконных сотен, и дворцовых и конюшенных и иных черных слобод посацким людем». ⁷⁹ И лишь в качестве налогоплательщиков представители и привилегированных, и непривилегированных групп торгово-ремесленного населения могли именоваться одинаково — тяглецами. Их объединяла также принадлежность к одному торговому ряду. 10 декабря 1684 г. цари Иван V и Петр I пожаловали «котелного ряду вотчинников: гостя Ивана Сверчкова, гостиные сотни Федора Метлицына, кадашевца Федора Турченина, и всех того ряду торговых людей» монопольным правом на розничную торговлю медянными и оловянными котлами. ⁸⁰

⁷⁴ Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3. С. 37.

⁷⁵ ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 4. С. 5.

⁷⁶ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII–начала XVIII вв. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 59.

⁷⁷ Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. С. 111.

⁷⁸ Там же. С. 458.

⁷⁹ ААЭ. Т. 4. № 255. С. 358, 366.

⁸⁰ ДАИ. СПб., 1869. Т. 11. № 97. С. 259–261.

Торговцев, пользовавшихся налоговыми льготами, именовали «тарханщиками». В августе 1645 г. «государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии и бояре приговорили для пополнения казны на жалование ратным людем со всех тарханщиков, с патриарших, и с монастырских, и со всяких торговых людей, которые торговали по жалованным грамотам безошлинно, имати на себя, государя, пошлины, как и с ыных торговых людей проезжую и торговую пошлину емлют», однако кое у кого из привилегированных коммерсантов льготы сохранялись и позже.⁸¹

Только в произведениях устного народного творчества можно встретить упоминания о «гостях-корабельщиках», «купцах-гостях», «купцах торговых», «гостях торговых».⁸² В одной из былин Катерину Микуличну, жену Добрыни Никитича, якобы погибшего на Куликовом поле, сватают «за того ли гостя торгового, за того ли Алешу Поповича».⁸³

Законодательство Российского централизованного государства защищало экономические интересы купечества. В судебниках 1497 г. (статья 55) и 1550 г. (статья 90) сохранилось одно из положений Русской Правды, гарантировавшее имущественные права купцов, торговавших в кредит и утративших товар не по своей вине, а в результате пожара, кораблекрушения или разбойного нападения. Такие должники могли возвращать кредитору только сам долг («исто»), но без ростовщических процентов («лихвы», «роста»). Размеры же штрафа за «бесчестье» по статье 26 Судебника 1550 г. находились в зависимости от социального положения торговца: «...торговым гостем болшим пятьдесят рублей, а женам их вдвое против их бесчестиа; а торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестиа пять рублей, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа...».⁸⁴ Рядовой горожанин получал возмещение в размере лишь одного рубля.

В 1566 г. 75 представителей верхушки купечества впервые привлекли к участию в работе Земского собора, обсуждавшего вопрос о продолжении Ливонской войны.⁸⁵ В их числе находились 12 гостей (Юрий Глазев, Иван Котков, Булгак Саванин, Григорий Тараканов, Алексей Хозников, Прокофий Цвиленов и др.), 41 «москвичей торговых людей» (Иван Дружок, Степан Зимин, Петр и Лука Пилюгины, Богдан Прошдилькин и др.) и 22 смолянина (Тимофей Смывалов, Игнатий Твердилов, Родион Тулупов, Афанасий Юдин и др.). Кое-кто из них, например А. Юдин (уже в качестве гостя), присутствовал и на

⁸¹ Законодательные акты. № 306. С. 210.

⁸² Термин «гости-корабельники» («гости-корабелщики», «гости-корабелницы») не позже начала XVII в. проник и в переводную «Повесть о Бове Королевиче», тесно связанную с русским фольклором и напоминающую богатырскую сказку. См.: ПЛДР. XVII век. Книга первая. С. 279–280, 641–642.

⁸³ Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974. С. 278, 279.

⁸⁴ Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. С. 101.

⁸⁵ СГД. М., 1813. Ч. 1. №192. С. 553–554.

Земском соборе 1598 г., избравшем царем Бориса Годунова. Наряду с 21 гостем в этих первых в истории России выборах царя участвовали также «суконной сотни староста Третьяк Фаворов; гостинные сотни староста Третьяк Герасимов сын Косаткин». ⁸⁶ На Земский собор 1649 г. выбирали «торговых людей добрых и смысленных»: «из гостей три человека, а из гостиной и суконной сотен по два человека, а из черных сотен, и слобод, и из городов по человеку». ⁸⁷ Некоторые из гостей XVI в. (в том числе переселенные властями из Москвы в Новгород Великий Корюковы, Сырковы, Таракановы и др.) владели поместьями, на них работали как свободные люди — приказчики и ключники, так и кабальные холопы.

Остальных купцов-профессионалов в документах (жалованных грамотах, писцовых книгах и др.) все чаще стали именовать торговыми людьми, чтобы отличить их от любых покупателей, также именовавшихся в официальном делопроизводстве (в законодательных материалах, таможенных актах) купцами в сочетании с продавцами.

В источниках XVI в. терминологически выделяются те гости и представители посадского населения (в том числе торговцы), которых власти в принудительном порядке переселили из одного города в другой (например, из Москвы в Новгород и Псков либо, наоборот, из провинциальных центров в столицу России). Они фигурируют под названиями «веденцы», «переведенцы», «приведенцы», «сведенцы», «сведеные гости». ⁸⁸ Кроме того, по отношению к торговым людям из провинциальных городов России, призванным на государеву службу в столицу, применялся также термин «жилыцы». К утвержденной соборной грамоте от 1 августа 1598 г. в числе прочих участников Земского собора приложил руку «гостинные сотни Ивана Чихачова и в ста жилыцов место и во всей гостинные сотни место». ⁸⁹ Между 1571 и 1575 гг. царь Иван IV «свел к Москве в жилыцы» богатого двинского солепромышленника Федора Банева. Проживание в столице России стало наследственной обязанностью этой предпринимательской семьи. ⁹⁰ По свидетельству вкладной книги XVII в. Троице-Сергиева монастыря, «108 (1600/1)-го

---

⁸⁶ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 45–46, 54–55; Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1920. С. 12–15; см. также: *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г. // Исторические записки. 1961. Т. 71. С. 203–210, 214–217; *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. С. 127–141; *Floria B. N.* Skład społeczny soborów ziemskich w państwie Moskiewskim w XVI wieku // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1974. Т. 36. З. 1. S. 51; *Морозова Л. Е.* Купечество на земских соборах XVI–XVII вв. // Российское купечество от Средних веков к Новому времени. Научная конференция. Москва, 2–4 ноября 1993 г.: Тезисы докладов. М., 1993. С. 21–23.

⁸⁷ Законодательные акты. № 334. С. 224.

⁸⁸ См. подробнее о них в статье: *Перхавко В. Б.* «Выводы» и «своды» купцов в феодальной России // Купечество в России. XV–середина XIX века. М., 1997. С. 112–147.

⁸⁹ Привилегированное купечество... Т. 1. С. 20.

⁹⁰ Архив СПбИИ РАН, ф. 5, № 570; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 209.

году дал вкладу московский жилец суконные сотни торговой человек Третьяк Герасимов сын Косаткин».⁹¹

Особый разряд столичного купечества, стоявший на втором месте после гостей, образовали «смоляне» («смолянне»), переселенные из Смоленска в 1514 и 1525 гг. В ящике номер 69 Царского архива XVI в. хранились «списки смолянские, братья Якова Дмитриева и смольнян на Москву». Там же находилась «грамота жиловальная великого князя Василья, а как пожаловал мещан смоленских».⁹² В грамоте Ивана IV в Дмитров (1549 г.) фигурируют «сведенцы смоляне, паны московские, Тиша Смывалов, да Федко Кадигробов с товарищи», которые, ссылаясь на льготы, уклонялись от уплаты таможенных и прочих пошлин дмитровским и кимрским таможенникам.⁹³ И хотя царь отменил данные им тарханские грамоты, положение выходцев из Смоленска и их потомков продолжало оставаться весьма прочным на протяжении всего столетия. Согласно уставной грамоте весчей пошлины у церкви св. Ивана на Опоках от 1 сентября 1587 г. «со всех торговых людей Московского государства и з грамотчиков и смолян» полагалось брать пошлину в Новгороде Великом «по две денги по московскую с рубля, с купца денга, [а с продавца денга] ж». Под «грамотчиками» в документе явно подразумеваются все привилегированные торговцы (гости, монастырские купчины), которые получали от властей тарханские грамоты со льготами.⁹⁴ «Смоляне» участвовали в земских соборах 1566, 1598 гг.⁹⁵

Ориентируясь при анализе терминологии, обозначавшей русское купечество XVI в., прежде всего на показания отечественных источников (и в первую очередь актовых и законодательных, а не нарративных), целесообразно сравнить их со свидетельствами иностранцев, ведь некоторые из них (особенно те, кто провел в России длительное время и успел изучить русский язык) также выделяли в своих описаниях несколько групп торговых людей. В «Записках» немца-опричника Генриха Штадена, прожившего немало лет в России, встречаются упоминания «богатых торговых людей (Kaufleuten)... и богатых гостей (Kaufhern)» из земщины, но на крестьян термин «торговые люди» им не распространяется.⁹⁶ Джилль Флетчер, проведя в Московии непродолжительное время и не успев хорошо изучить, в отличие от Штадена,

⁹¹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 224 (Л. 963).

⁹² Описи Царского архива и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 26 (Л. 264, 267 об.).

⁹³ ААЭ. Т. 1. № 223. С. 213.

⁹⁴ Великий Новгород... С. 44.

⁹⁵ ААЭ. Т. 2. С. 13, 45; АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 306. С. 361; Акты, относящиеся к истории земских соборов. С. 13; Кулакова И. П. «Москвичи торговые люди» конца XVI—начала XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 88–89; Голикова Н. Б. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI в. // АРИ. М., 1995. Вып. 6. С. 35–38.

⁹⁶ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. М., 1925. С. 21–22.

русский язык, не уловил разницы в положении и обозначении торговцев, всех их именуя одинаково купцами (merchants) и причисляя (наряду с ремесленниками) к простолюдинам (мужикам); лишь в одном случае он использовал словосочетание «a market man» (рыночный, торговый человек).⁹⁷ А вот у его современника и знакомого Джерома Горсея, не раз и подолгу жившего в России в период с 1573 по 1591 г., купеческая терминология выглядит более дифференцированной: просто «купцы» (merchants), «купечество» (merchantry), «торговцы» (tradenmen), «зажиточные купцы», «лучшие представители купечества».⁹⁸

Вместе с тем бывавший в Московии в 1517 и 1525 гг. австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, знавший с детства неплохо славянскую речь, всех русских торговых людей обозначал одним термином «купец» — «mercator» (лат.), «Kaufmann» (нем.).⁹⁹ И такое обобщенное обозначение торговцев характерно для большинства писавших о России иностранных авторов XVI в. Нуждается в уточнении смысла еще один термин «купецкие дети» (koplude kynder), встречающийся применительно к немецким купцам в новгородско-ганзейских документах XIV–XV вв., где так могли обозначать молодых коммерсантов (младших партнеров) из городов Ганзы, и использованный под 1398 (6906) г. в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода при перечислении социумов Новгорода: «и бояря, и дети боярские и житьи люди и купечкыи дети, и вси их вои».¹⁰⁰

Конечно же, иностранцы не могли уловить дробную профессиональную специализацию русских торговцев. С XVI в. стали различаться животинные, мучные, рыбные, «рукавишные» и прочие прасолы.¹⁰¹ В новгородских актовых документах начала XVII в. наряду со «свежими рыбниками» упоминаются «прасольные рыбники».¹⁰² Реже в источниках встречается термин «хлебный прасол». На Калужском посаде, например, согласно Строельной книге 1590-х гг., находился единственный «двор Ефимка Филипова хлебнава прасола».¹⁰³

Использовался также термин «лавочный сиделец». По записям приходной книги Иосифо-Волоколамского монастыря за март 1592 г., монастырскими приказчиками было продано: «лавочным сидельцом в Житном ряду Родьке Петрову да Гаврилку Щербине с товарицы 200 чети

⁹⁷ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 35, 100–101; Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Commonwealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 187.

⁹⁸ Горсей Дж. Записки о России. XVI–начало XVII в. / Пер. с англ. и сост. А. А. Севостьяновой. М., 1990. С. 55, 104–105, 108, 146, 153 и др.

⁹⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 125–128 и др.

¹⁰⁰ ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 391; Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 188, 290, 299.

¹⁰¹ СлРЯ XI–XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 138.

¹⁰² Nordlander I. Real estate transfer deeds in Novgorod, 1609–1616: Text and comment. Stockholm, 1987. P. 81.

¹⁰³ Города России XVI века. С. 233.

овса, взято 7 рублей»; «в Житной ряд лавочным сидельцом Иваньку Тимофееву да Ортюшке с товарищи 40 чети овса, взято 5 рублей 26 алтын 4 деньги»; «в Житном ряду лавочным сидельцом Иваньку Тимофееву да Родьке Петрову с товарищи 130 чети с осьминога жита, взято 18 рублей 28 алтын 2 денги». ¹⁰⁴ Как видно, в артель скупщиков зерна входили не менее четырех складников — Г. Щербина, Р. Петров, И. Тимофеев и некий Артемий (Ортюшко), которые были отнюдь не купеческими приказчиками, а самостоятельными торговцами, делившими прибыль, очевидно, в зависимости от финансового вклада в артельную кассу. Члены этого специализированного купеческого товарищества именовались также коробовыми прасолами, о чем упоминается в той же приходной книге Иосифо-Волоколамской обители, продавшей в марте 1592 г. «в Житной ряд коробовым прасолам Жданку да Илейке с товарищи 50 чети овса, взято 7 рублей», «коробовым прасолом Гаврилку Щербине да Якову Кривому 10 чети солоду, взято 45 алтын, за четь по полупете алтына». ¹⁰⁵ Их прибыль составляла разница между закупочными оптовыми и розничными продажными ценами на хлеб и хлебопродукты.

Хлеботорговцев в России именовали также «хлебниками» и «житниками». Надо сказать, что их специализация не носила слишком жесткого характера, при случае они могли промышлять и другими товарами. Согласно записи в хозяйственной книге Чудова монастыря в Москве, 8 февраля 1586 г. было «куплено на монастырской обиход масла коровья у углеченина у Онкундина у хлебника тритцать четыре пуда с полупудом». ¹⁰⁶ На рынках русских городов торговали не только зерном, но и мукой. На операциях с ней специализировались мучники, упомянутые в описании Казани 1565–1568 гг. ¹⁰⁷ Там же находились «2 лавки сряду Иванка Васильева мучного прасола». ¹⁰⁸ «Соленики», упоминающиеся, в частности, в Псковской писцовой книге 1587 г. («Лав[ка] Сетки Микулина соленика») и при описании 1589 г. Тулы, где на посаде стоял двор «Романа Матвеева <...>, а нем дворники: соленикъ да мясникъ, оба посацкие черные люди», занимались продажей, скорее всего, солений, но не соли (как полагает кое-кто из филологов). В Ярославской писцовой книге 1619 г. зафиксирован двор «посадцкой вдовы Марьицы соленицы». ¹⁰⁹ Закупками и сбытом соли занимались соляные прасолы, упоминающиеся, в частности, при описании 1590-х гг. Калуги. ¹¹⁰

¹⁰⁴ Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 80–90-х гг. М.; Л., 1980. Вып. 2. С. 262.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Хозяйственные книги Чудова монастыря 1585/86 г. / Подгот. текста С. Н. Богатырева. М., 1996. С. 86.

¹⁰⁷ Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. // Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932. С. 18, 19, 21, 23, 38.

¹⁰⁸ Там же. С. 64.

¹⁰⁹ СлРЯ XI–XVII вв. М., 2004. Вып. 26. С. 126.

¹¹⁰ Города России XVI века. С. 221–225, 228–230 и др.

Специализация торговцев тканями также не носила жесткого характера. Шелковники, известные по описаниям Новгорода Великого и Пскова, торговали в Сурожском ряду не только шелковыми изделиями, но и сукном, а суконники — как сукном, так и шелком.¹¹¹

С XVI в. в писцовых книгах Пскова и других городов регистрируются «барышники» — мелкие торговцы, перекупщики, посредники в торговле. Причем в роли барышника мог выступать и посадский человек, и крестьянин, и стрелец. Термины «барышник», «барышничать» (посредничать в торговле) и «барышничество» (торговое посредничество) происходят от одного слова тюркского происхождения «барыш» — нажива, прибыль.¹¹² Эта категория перекупщиков была известна также иностранным купцам, посещавшим Россию. Барышник (барысник), в частности, упоминается и в Парижском словаре москвитов 1586 г., и в Разговорнике Фенне 1607 г., и в Словаре-справочнике Ричарда Джемса 1618–1619 гг. Причем составитель последнего дал ему следующее пояснение: «Маклак, тот, кто покупает с тем, чтобы опять продать, — лошадей и другие вещи».¹¹³ «Сырейщики» занимались скупкой сырой кожи.

«Москотильники» торговали «москотью» (москотина, москотилье, москотильный товар) — аптечные снадобьями и химическими веществами (краски, клей, деготь и др.). В Москве с XVI в. существовал для их продажи специальный Москотильный ряд. Мелкой торговлей в разнос в России издавна занимались коробейники, именовавшиеся также «щепетильниками» позже — «афенями» («офенями»), «варягами», «кантюжниками», «ходебщиками».¹¹⁴

60-я глава «Домостроя» называется «О торговых и лавочных людех, по тому же счет с ними часто держати» (Сильвестровская редакция).¹¹⁵ Под лавочными людьми в ней явно подразумеваются приказчики, но в других случаях ими могли быть и торговавшие в лавках представители иных социальных групп (стрельцы, крестьяне).

Порой приходилось промышлять торговлей и представительницам женского пола. Наряду с мужчинами иногда женщины (обычно вдовы) владели лавками и прочими торговыми помещениями в Москве, Новгороде Великом и других городах. Женщины могли свободно распоряжаться собственным недвижимым имуществом, в том числе дворами, торговыми помещениями, амбарами.¹¹⁶ Согласно писцовой книге Пско-

¹¹¹ Писцовая книга Пскова 1585–1587 гг. // Сб. МАИО. М., 1913. Т. 5, кн. 1. С. 16–17.

¹¹² Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / Под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2004. Вып. 1. С. 84. В более поздний период барышников в России стали называть также «кантюжниками», «кулаками», «маклаками», «маяками». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2. С. 85.

¹¹³ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII ввек. СПб., 2002. С. 144, 279, 359.

¹¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 30; Т. 2. С. 166.

¹¹⁵ Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов и В. В. Рождественская. СПб., 2001. С. 125.

¹¹⁶ Великий Новгород... С. 184, 189.

ва 1585–1587 гг., вдова Овдотья Богданова сдавала внаем шелковнику Омельяну два прилавка с полками в Сурожском ряду.¹¹⁷ Из 15 лавок, принадлежавших женщинам и зарегистрированных в сотной грамоте Муромскому посаду 1573/74 г., лишь пять оказались пустыми, а в остальных велась торговля.¹¹⁸

В числе 56 членов «гостиния сотни молотчих людей», переведенных в 1601/02 г. из-за скромного имущественного положения в состав посадского населения Москвы, имелись только две женщины: «Ондреевская жена Панфильева» и Пелагея Кошелевская.¹¹⁹ А вот среди зачисленных тогда же в Гостиную сотню из черных сотен не было ни одной особы женского пола. Вместе с тем они встречаются в реконструированных исследователями списках членов привилегированных купеческих корпораций 1632, 1647 и 1649 гг.: все эти даже не названные по именам женщины должны были выполнить за своих умерших мужей (в зависимости от окладов) государеву повинность (1649 г.).¹²⁰

Согласно записям в расходных книгах 1613–1614 гг., для нужд царского двора у московских торговков и мастериц (иногда в одном лице) закупались в основном различные галантерейные и швейные изделия: в частности, «торговке Степаниде Олексееве» было уплачено за «кружива мишурново кованого», «шлетенку мишурново», «кружива немецкого кованого золотного», «кружива золото с серебром рогатого»; «торговке Парасковье Патриной» — за «кружива рогатого, золото с серебром»; «Золотному ряду торговке Анне Красной за 10 арш. с полуаршином кружива серебряного, орликами в 20 нитей»; «Холщевому ряду Ненилке рубашечнице за 2 рубахи да за двои портки».¹²¹ Среди них были и незамужние женщины, а кое-кто имел лавки-мастерские в торговых рядах (Золотном, Холщевном).

В 1620 г. некая московская «торговка Анютка» искала в Посольском приказе управу на немецкого переводчика, не заплатившего ей за что-то «пяти рублей с полтиною» (Опись архива Посольского приказа 1626 г.).¹²² В еще одном судебном деле 1623 г. имеется словосочетание «торговка дворянка», смысл которого не вполне ясен: «...искал в Посольском приказе агличанин торговой человек Ивашка Иванов жемчужново ряду на торговке на дворянке за два перстня золотых тритцати дву рублей, не вершено».¹²³ Но, скорее всего, речь здесь идет не о покупательнице-дворянке, не расплатившейся за приобретенные ук-

¹¹⁷ Писцовая книга Пскова 1585–1587 гг. С. 17.

¹¹⁸ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 304–309.

¹¹⁹ Соловьева Т. Б., Володихин Д. М. Состав привилегированного купечества России в первой половине 17 века. М., 1996. С. 87–88.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ РИБ. 1884. Т. 9. С. 4–5, 52, 106–107, 111, 116–118, 122–123, 132–133, 143.

¹²² Опись архива Посольского приказа 1626 года / Подгот. В. И. Гальцов; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977. Ч. 1. С. 407.

¹²³ Там же. С. 411.

рашения, а о женщине из дворянской среды (быть может, овдовевшей), торговавшей ювелирными изделиями.

Чаще всего женщины наследовали лавки после смерти мужей. Так, 6 августа 1626 г. в Москве была оформлена «жаловальная грамота вдовы Дарьи Сырейщиковы мужа ее Якова Сырейщикова, на каменную лавку в верхнем Медовом ряду». В Иконном ряду в 1626 г. владели лавками две вдовы и просвирица Евлампия, жена Остафия Команихи. Несколько торговых помещений принадлежали женщинам также в Звязочном, Котельном, Мыльном, Подошевном и Старом Москотильном рядах Москвы. Немало мелких торговых (причем не только вдов), продававших молоко, сметану, квас, горох, можно было увидеть тогда на скамьях у Пирожного ряда.¹²⁴ По свидетельству ученого из Голштинии Адама Олеария, побывавшего в Москве в 1634, 1639 и 1643 гг., у помоста на Красной площади, где стояла Царь-пушка, женщины обычно торговали холстами.¹²⁵

Согласно писцовой книге 1623–1626 гг., лишь 11 из 203 лавок Великого Устюга принадлежали вдовам. В основном овдовевшие женщины занимались выпечкой и продажей хлеба, именуясь «хлебницами», кто-то из них производил на продажу толокно, крупу, рукавицы, а «вдова Офросинья Семеновская жена Клеунова да сын ее Баженко» торговали «отъезжими товары» с Сибирью. Несколько представительниц женского пола, в том числе старица Софья Скамейкина, содержали харчевные избы (харчевни).¹²⁶ Но не так уж много женщин сами торговали в принадлежавших им лавках. В Курске, например, лишь одна вдова, Овдотья Можайкина, платила в 1641, 1649, 1652 и 1653 гг. оброк за свое торговое помещение.¹²⁷

Избранный в 1598 г. царем Борис Годунов стал проводить покровительственную политику по отношению к иностранным купцам, проживавшим в России. 25 января 1599 г. царским указом была сформирована особая группа иноземного купечества в России, получившая со временем устоявшееся наименование «московские торговые немцы (иноземцы)». Уже в феврале этого же года самым доверенным и заслуженным из них — Андрею Витту и Игнатию Поперзаку — были пожалованы первые царские грамоты на беспошлинную торговлю в России чужеземными товарами, на свободный пропуск за границу и на освобождение их московских дворов от разного рода повинностей.

В жалованной грамоте А. Витту на гостиное имя говорилось: «Пожаловали есмя московского жилца немчина Ондрея Иванова сына Вит-

¹²⁴ *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. Стб. 1101, 1104, 1111, 1116, 1118, 1127–1128, 1131–1134, 1144, 1149–1150.

¹²⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 164–165.

¹²⁶ Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге... С. 163, 176, 181–183, 213–220, 222.

¹²⁷ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 113, 310.

та гостиним именем, велели есмь ему быти в московских гостех. И торговати в наших государствах, в Великом Новгороде, и во Пскове, и в Ыване городе, велели всякими товарами беспощинно; также есмь его пожаловали, поволели ездить со всякими товары в ыные государства в Литовские и в Неметцкие города, в Ругодив, в Кольвань, в Юрьев Ливонской, в Ригу, во Гданеск, в Любку и в ыные Неметцкие города. И в которых городех в нашей отчине гость Ондрей Витт учнет торговати какими товары нибуди, и бояром нашим и воеводам и наместником и всяким нашим приказным людем с него и с его людеи и с товару наших никаких пошлин не имати...». Кроме того, Витту пожаловали «двор на Москве, и с того двора наших никаких податей ему не давати, и с посадскими с тяглыми людами ни во что не тянути, и на дворе у него наших ратных людеи всяких и иноземцов не ставити <...> и вперед быти Ондрею Витту в нашем государстве в московской гостиниой сотне...».¹²⁸ Итак, новоиспеченный гость А. Витт, происходивший из ливонских немцев и проживавший ранее в Нарве, наделялся в 1599 г. царем самыми широкими привилегиями (за исключением содержания корчмы на своем дворе), большими даже, чем ставшие в 1598 г. гостями новгородцы — Г. Минин и И. Сосков, но при этом числился, в отличие от русских гостей, в составе Гостиной сотни.

4 февраля 1599 г. Борис Годунов также даровал жалованную грамоту Игнатию Антонову Поперзаку, ливонскому немцу по происхождению, зачисленному в состав Гостиной сотни. По свидетельству документа, «велели есмь ему быти в московских в лутчих в торговых людах», торговать беспощинно, свободно выезжать за границу. Его двор в Москве освобождался от разного рода повинностей.¹²⁹ Фактически привилегии Поперзака соответствовали льготам, пожалованным А. Витту, хотя последний, в отличие от первого, именовался в грамоте даже гостем.

Борис Годунов пожаловал в 1599 г. грамоты с привилегиями еще 11 немецким купцам из Ругодива и Юрьева Ливонского (Дерпта), жившим в России, а также любекским торговцам Ефиму Мейеру и Бертелю Тунеману (между 1599 и 1600 гг.). Кроме того, им была выдана в 1603 г. общая жалованная грамота на практически беспощинную торговлю в России всему купечеству северогерманского города Любека. Царская казна ссудила 13 первых привилегированных торговых иноземцев из Ливонии 4900 руб. Восемь из них удостоились пожалования «гостиним именем», пять — «лучшими торговыми людьми». Многие из них выполняли ответственные поручения московских властей.

Выдача новых жалованных грамот торговым иноземцам произошла уже после воцарения Михаила Федоровича в 1613 г., когда в грамотах Андрею Буку и Ивану Буколту (Ивану Юрьеву) появляется термин

¹²⁸ СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 72.

¹²⁹ Там же. № 71.

«московский торговый немчин».¹³⁰ В правовом отношении они занимали промежуточное место между русскими купцами и коммерсантами, эпизодически приезжавшими в страну из Западной Европы. Причем имена и фамилии иноземцев обычно искажались русскими переводчиками, и далеко не во всех случаях на основе приказной документации можно установить их национальную принадлежность.

В отличие от иностранцев, поступавших в России на военную службу и подчинявшихся Иноземному приказу, Посольскому приказу были «ведомы московские и приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди: и судят торговых иноземцов, и росправу им чинят с рускими людьми в одном в том приказе», как засвидетельствовал Г. К. Котошихин в сочинении «О России в царствование царя Алексея Михайловича».¹³¹ В присутствии пастора они давали в Посольском приказе присягу служить верой и правдой царю российскому и выполнять правительственные поручения в торгово-промышленной сфере. Им продолжали выдавать жалованные грамоты «за красной печатью» с разного рода льготами, за что торговые иноземцы должны были выполнять ответственные поручения властей, в том числе как политические осведомители и дипломаты. Историк А. В. Демкин на основе просмотра отечественных источников насчитал до 1300 западноевропейских коммерсантов и их приказчиков, поддерживавших деловые связи с Россией при первых Романовых. На первом месте по численности (644 чел.) находятся выходцы из Нидерландов, именовавшиеся русскими «галанцами». За ними следуют англичане (319 чел.) — в основном члены и приказчики Английской Московской компании, возникшей еще в середине 50-х гг. XVI в. Большинство из них посещали с торговыми целями Россию в 1-й половине XVII в., а после казни английского короля Карла Стюарта и победы Английской буржуазной революции последовал указ царя Алексея Михайловича от 1 июня 1649 г., в результате которого объем прямой торговли с Англией и численность приезжавших из нее купцов резко сократились. Во 2-й половине XVII в. в России можно было встретить не менее 210 купцов из Гамбурга и свыше 60 торговых людей из Любека. Осевших же в нашей стране московских торговых иноземцев насчитывается чуть больше 110 человек, т. е. около 9% от числа всех западноевропейских коммерсантов, торговавших с Россией.¹³²

В лексике русского языка появились также специфические термины для обозначения восточных купцов. Представители привилегированной социальной группы торговцев в Ногайской Орде, нередко посещавшие в XVI в. Россию, именовались базарными (базарскими) людьми, а также ордобазарцами. Они обслуживали товарами, привозимыми из

---

¹³⁰ Демкин А. В. «Московские торговые немцы» в первой половине XVII века // Вопросы истории. 1984. № 8; Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 213–222.

¹³¹ Котошихин Г. О России в царствование царя Алексея Михайловича. С. 109.

¹³² См.: Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России. М., 1994. Вып. 1–2.

Москвы, ногайского правителя-бая и высших мирз. Зависимых от ханской казны привилегированных торговцев, приезжавших из Крымского ханства, называли в XV–XVII вв. «базарянами», восточных купцов из Бухары, Хивы и других мест Средней Азии — «тезиками» (либо «кизил-баши»).¹³³

* * *

Сделанный выше обзор свидетельствует об использовании в допетровской России как официальной (делопроизводственной), так и бытовой торгово-купеческой терминологии. И первая далеко не всегда соответствовала второй, хотя между двумя этими группами порой происходило взаимопроникновение лексических элементов. Реже в данной сфере использовалась книжная церковнославянская лексика, относящаяся к третьей группе, из которой иногда пополнялся лексический фонд первых двух групп. Фольклорная торгово-купеческая терминология (четвертая группа) несколько отличается от терминов, использовавшихся в письменной литературе и официальном делопроизводстве. Ряд понятий получил не общерусское, а региональное распространение, например: «корыстные купчины», «отъезжие купчины» (Новгород Великий). Один и тот же термин (например, «купец») в разные периоды и в разных источниках мог нести неодинаковую смысловую нагрузку. Нужно учитывать также фактор определенного запаздывания письменной фиксации терминов, связанных с купеческой средой.

Вскоре после создания единого Российского государства власти в середине XVI в. пошли по пути создания государственных привилегированных квазисловных корпораций гостей, Гостиной и Суконной сотен, члены которых, наряду с привилегиями, выполняли в интересах казны значительный круг обязанностей финансово-экономического характера. Подразделение на эти три ранга (чина) было связано с потребительскими интересами феодального государства, превратившего зажиточных торговцев в своего рода служилых людей. Впервые социальное деление торговцев на несколько групп отразилось в Судебнике 1550 г. В середине XVI–XVII в. процесс становления купеческого сословия в России приостановился. Поэтому не стоит преувеличивать степень общности интересов торгово-ремесленного населения русского города той поры. В правовом и социальном отношении в тот период купечество, состоявшее из нескольких чинов и обладавшее разным статусом, не представляло даже относительно единую группу.

Термин «купеческий чин» как собирательное обозначение всех (и привилегированных, и непривилегированных) торговых людей первоначально употреблялся только в нарративных источниках и художественной литературе. Согласно Пискаревскому летописцу конца

---

¹³³ *Перхавко В. Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 444.

первой четверти XVII в., государь Михаил Федорович повелел в 1615 г. казнить «Фетьку Андронову, которой на Москве воровал всех больши, а был купецкою чину».¹³⁴ Стихотворение Симеона Полоцкого «Купецтво» из первого в России поэтического рукописного сборника «Вертоград многоцветный» (1678) начинается со слов: «Чин купецкий без греха едва может быти...».¹³⁵ При расспросе в Посольском приказе в феврале 1697 г. грека-коммерсанта Хадзикирьякиса, приехавшего в Москву из Львова, выяснилось, что его отцом был «купецкого чину богатой человек».¹³⁶ Указом Петра I от 27 октября 1699 г. предписывалось «всяких чинов купецким людям торговать так же, как торгуют иных государств торговые люди, компаниями».¹³⁷ В защиту людей «купецкого чина» страстно выступал в «Книге о скудости и богатстве» (1725) И. Т. Посошков.

С конца XVII в. словосочетание «чин купеческой» стало употребляться и в актовых документах: царским указом 20 декабря 1699 г. предписывалось «боярским и окольныхчим, и думным знатым людям, палатного, воинского и купеческого чина знаменитым людям коемуждо на своем дворе из небольших пушечек, у кого есть, или из мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракет, сколько у кого случится»; в указе «О наследии имений» от 23 марта 1714 г. говорилось о том, «когда кто из кадетов дворянских фамилий захотят итить в чин купеческой...».¹³⁸

Гораздо реже с XVII в. употреблялось словосочетание «торговый чин». При опросе боярином И. Д. Мстиславским гостей, членов Гостиной и Суконной сотен, 23 апреля 1662 г. о причинах подорожания хлеба и прочих продуктов питания торговые люди сетовали, что «всякой не торговый чин, обоготятся торговым промыслом и добыв деньги и всякия вещи, задерживают у себя и с тех промыслов великаго государя пошлины и всякие доходы пропадают...».¹³⁹ В данном случае стрельцы, прочие служилые люди «по прибору», жители Кадашевской слободы, ремесленники, крестьяне (словом, «всякой не торговый чин»), занимавшиеся торговлей, противопоставляются членам государственных купеческих корпораций.

На протяжении XVII в. при Сибирском приказе под разными названиями (Купеческая палата, упоминающаяся в 1631, 1642 гг.; Приказ купецких дел, известный в 1669–1678 гг.; Государева казенная соболина палата, Скорняжья палата, Расценная палата) функционировал государственный закупочно-сбытовой орган, обслуживавший интересы Каз-

¹³⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 219.

¹³⁵ Полоцкий Симеон. Избранные сочинения. С. 7–8.

¹³⁶ Фонкич Б. Л. Синаит Хадзикирьякис // АРИ. 1994. Вып. 4. С. 208.

¹³⁷ ПСЗ. Т. 3. № 1706. С. 653.

¹³⁸ ПСЗ. Т. 3. № 1736. С. 681; Т. 6. № 2789. С. 94.

¹³⁹ Зерцалов А. Н. О мятежах в городе Москве и селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890. С. 260.

ны.¹⁴⁰ Первоначально он занимался закупками самых разных товаров (и бумаги, и железа), но впоследствии сосредоточился на операциях с сибирской пушниной. В нем служили гости (Анофрий Васильев и др.), члены Гостиной сотни. По указу Сената от 23 апреля 1711 г. для закупки иностранных золотых и серебряных монет создавалась Купецкая палата.¹⁴¹ Однако указанные государственные учреждения не были связаны с удовлетворением интересов самого формировавшегося торгового сословия России.

В регламенте Коммерц-коллегии (1719) рекомендовалось «уоставлять купеческие гильдии или ступени там, где оные с пользой устроиться могут».¹⁴² Однако два года спустя, согласно регламенту Главного магистрата, власти вместо купеческих гильдий учредили две гильдии регулярных граждан, включавшие не только купцов. Первая из них состояла из банкиров, крупных коммерсантов, врачей, аптекарей, ремесленников-ювелиров, иконников и живописцев. Во вторую гильдию тогда вошли остальные мелкие торговцы и ремесленники, содержатели постоянных дворов. Чуть позже, в 1724 г., торгово-промысловое население Москвы разделили по имущественному признаку на три статьи — гильдии. Это трехстатейное деление было подтверждено в 1742 г. Но окончательное оформление гильдейского купечества произошло лишь при Екатерине Великой. Императрица своим манифестом от 17 марта 1775 г. разделила всех горожан на мещан с капиталом менее 500 руб. и купцов, владевших капиталом более 500 руб. Купечество же в зависимости от размеров капитала в ходе податной реформы того же 1775 г. записывалось в три гильдии, дававшие ряд сословных привилегий. Буквально все стороны предпринимательской деятельности четко регламентировались в Жалованной грамоте городам 1785 г., но ни одна из трех гильдий в статьях 92–119 не именуется в ней купеческой, не используется в ней и собирательное обозначение «купечество».

Уже с конца XVIII в. купечество, отнесенное в Наказе Екатерины II Уложенной комиссии (1767) к среднему роду людей (наряду с учеными и художниками не из дворян), иногда называлось классом. «По общим правилам купечество есть орудие коммерции. Оно составляет благополучие общества не потому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но потому более, что сей класс ободряет земледельство, служит к обогащению общественному и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам», — констатировал М. Д. Чулков в «Историческом описании российской коммерции» (1781).¹⁴³ Термин же «сословие» («съсловие»), использовавшийся с XII–XV вв. преиму-

¹⁴⁰ Попов Н. Вопрос о Приказе Купецких дел // ЖМНП. 1889. № 2. Февраль. С. 237–252.

¹⁴¹ ПСЗ. Т. 4. № 2351.

¹⁴² ПСЗ. Т. 7. № 3318. С. 674.

¹⁴³ Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781. Т. 1, кн. 1. С. 15.

щественно в агиографической литературе, первоначально означал «круг, сообщество, скопище, собрание, список перечень, перечисление, славословие, выражение благодарности друг другу».¹⁴⁴ В 1826 г. П. И. Иванов издал в Москве сборник документов под названием «Обозрение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия».¹⁴⁵

Существовало несколько источников пополнения купеческой среды. Значительная часть торговых людей наследовала семейное дело. Иные купцы-предприниматели происходили из разбогатевших ремесленников и даже крестьян, правда, преимущественно не находившихся в зависимости от феодалов. Многие из приказчиков со временем, накопив средства, стремились завести собственные торговые предприятия. Другим же на протяжении всей жизни приходилось выполнять поручения хозяев.

Понятия «купец», «купечество» нельзя распространять буквально на всех людей, причастных к рыночным операциям, в частности: на мелких товаропроизводителей — городских и сельских ремесленников, продававших свою продукцию и закупающих сырье; на представителей белого и черного духовенства, пушкарей, стрельцов и прочих служилых людей, участвовавших в товарном обмене; наконец, на управляющих феодальными вотчинами и поместьями, а также крестьян, сбывавших в близлежащем городе продукты своего хозяйства и промыслов, а на часть из вырученных денег приобретающих для личного потребления ремесленные изделия, соль, пряности и т. д. Ведь перечисленные выше категории населения средневековой Руси относились к иным социальным группам, а участие в торговле не являлось для них основным занятием. При этом они могли, расставшись с прежним образом жизни либо выйдя из прежнего сословия, влиться в купеческую среду, отличавшуюся социально-профессиональной «мобильностью и подвижностью границ». И хотя в период с конца XV по начало XVIII в. купцами в законодательных и актовых документах обычно именовались просто любые покупатели чего-либо, под термином «купец» следует подразумевать, прежде всего, профессионального торговца, занимающегося закупкой, доставкой, перепродажей партий товаров и принадлежащего к купеческому сословию. Именно в таком значении употребляется слово «купец» буквально во всех разновидностях древнерусских источников XI—середины XV вв., а также в летописях, хождениях, исторических повестях, агиографической и художественной литературе конца XV—XVII вв. Сложность заключается в том, что процесс юридического обособления этого сословия в России завершился лишь в XVIII столетии, с оформлением гильдейского купечества. В более раннюю эпоху к купцам, несомненно, принадлежали гости, сурожане, суконники, большинство чле-

¹⁴⁴ СлРЯ XI—XVII вв. Вып. 26. С. 194—195.

¹⁴⁵ Иванов П. И. Обозрение прав и обязанностей российского купечества и вообще всего среднего сословия. М., 1826. Ч. 1—2 (переизд.: М., 2005).

нов Гостиной и Суконной сотен, прасолы, барышники, житопродавцы, корыстные купчины, купецкие и торговые люди, фигурировавшие под такими названиями в письменных источниках. Итак, купечество — это исторически сложившаяся профессионально-социальная группа, отличавшаяся от других социумов российского общества по роду занятий и общественному статусу.

SUMMARY

Author of the article considers terminology connected with the old Russian merchantry. Its analysis directly concerns social and professional structure. Even at the dawn of Russian history, the trading community was not what could be called a uniform fraternity. It was structured into several layers, each described by a different

terms. In particular, a «gosf» («guest») was a typical foreign merchant, or one who came from another city of the land, or a domestic trader engaged in commerce with other lands. «Gost» was always representative of the highest stratum of merchantry. The term «merchant» (in Russian — «kupets»), which has common Slavonic origin, during XIth–XVth centuries was used in two senses — first, a person carrying on trade full-time and, second, a trader who specialised in domestic trade. In the earliest records, it is less frequent than «guest». Later, from the end of the 15 century the sense of the term «kupets» had been changed. It had been used since 1488–1497 to name not only professional traders-merchants but also all people who bought the wares. Such meaning of the word «kupets» preserved in the 16th–17th centuries, was explained by absence of the term «buyer» («pokupatel») in Russian before XVIIIth century.